

ГАБАЕВА Н.С.

Габаевы

Эту часть своих записок посвящаю
Ленине Мухамеджановне Юлдашевой.

В раннем детстве мучил меня откуда то взявшийся вопрос – если бы родителям грозила страшная опасность, а я могла бы спасти только одного из них – кого бы я выбрала? Я гнала этот вопрос от себя, не могла, не хотела его решать. За меня его решила судьба.

В детстве казалось мне, что папу я люблю больше. Его я видела реже. Мама работала дома по договорам, всегда была рядом. Мама – это были будни, папа – праздники.

Кроме преподавательской работы в институте у папы всегда бывала какая-то работа по совместительству или обучение. Например, перед войной вечерами он занимался на курсах киномехаников, чтобы иметь дополнительную специальность.

Придя с работы, обычно допоздна папа работал. Его письменный стол стоял в нашей комнате между окон; над ним фотографии его родителей – моих бабушки и дедушки и старшего, умершего молодым человеком брата Виктора. В этой же комнате я спала. Потому вечерами он устраивался в столовой, на одной из сторон большого обеденного стола. Этот стол и сейчас стоит у нас в большой комнате, но тогда он был раздвинут вставными досками, казался огромным. Поверх скатерти стелилась газета, раскладывались книги тетради. Нередко бывало, что папа возвращался с работы, когда я уже спала.

Зато по выходным дням мы бывали вместе. Часто с утра ходили на почту. Покупали конверты, марки, отправляли бандероль или письмо дедушке. В эти письма по просьбе папы я что-то приписывала и рисовала. Оказалось дедушка Габаев, несмотря на все свои ссылки-скитания, сохранил мои письма и рисунки того времени. Он передал мне их во время одной из наших встреч уже после войны. Пачка эта и сейчас лежит у меня.

Воскресные выходы с папой всегда бывали по делу, но дорога была моя; дорогой он пересказывал мне что-то из прочитанного им, приспособивая к уровню моего восприятия. Чаще всего это бывали остросюжетные романтические истории, где благородство и смелость торжествовали над злом. Был период богатый вампирами с пересказом повестей Алексея Толстого о вурдалаках. От папы же я услышала и историю графа Дракулы. По-видимому, он не жалел красок при описании разного рода ужасов. Был случай, когда прохожий, шедший за нами и, видимо, слышавший папин рассказ, поравнявшись, сказал – "На Вашем месте ребенку я бы такого не рассказывал". Даже помню, что это произошло на углу 7 Красноармейской и Советского переулка. Был период "Трех мушкетеров", которых папа пересказывал мне по мере чтения, а иногда и читал кусками, выпуская какие-то страницы (я это видела), вероятно, амурного содержания. От него же услышала я и пересказанные "Вечера на хуторе близ Диканьки" Гоголя и основную канву "Мертвых душ". Впоследствии при чтении все это показалось мне менее занимательным, чем в папином изложении.

Читал он много и память, видимо, у него была хорошая, чего я к великому сожалению не унаследовала, а это было так важно в моей работе! Художественную литературу папа читал в поезде, трамвае, за столом во время еды; обычно перед его тарелкой лежала раскрытая книга. Нам с Иной, к сожалению, это не разрешалось, хотя мы пытались.

Еще одна из тем папиных рассказов по моей просьбе – о том, как они были маленькими. Главный мотив этих повествований состоял в описании всякого рода шалостей и того, как они с братом Виктором подшучивали над доверчивой младшей сестренкой. Представляю хорошо веселое, плутоватое папино лицо, когда он вспоминал об этом.

По выходным, когда папа работал за своим столом, бывало я начинала ныть у него под рукой о том, что мне нечего делать. Однажды, рассердившись, он посоветовал мне пойти в "каморку" (так называли у нас уборную) и поплевать в потолок. Но чаще после моих сетований папа доставал из своего письменного стола многочисленные деревянные коробочки, в которых хранились оловянные солдатики. Они были разложены по полкам в соответствии с формой обмундирования. Я выстраивала их на полу за спиной у папы, занимавшегося за своим столом, неумело играла в войну. Думаю эта коллекция оловянных солдатиков принадлежала дедушке, она была в большом порядке. Папа хранил ее бережно. Дедушка, кажется, даже упоминает о ней в своих воспоминаниях. После войны она не обнаружилась, как и многое другое, вероятно, застряла у Стожаровых.

Папу можно было расспрашивать о непонятном. Однажды я его спросила, верит ли он в Бога? Смысл его ответа был в том, что он верит в существование Иисуса Христа как исторической личности ("...что был такой человек") Меня тогда удивил этот ответ: т.к. он, конечно, отличался от моих детских представлений, полученных от мамы. Я промолчала, но, вот, запомнила. От папы же я услышала впервые, что в будущем можно будет видеть на экране дома изображение, как в кино. В то время о телевизорах еще не было слышно.

Из самых ранних воспоминаний, наверно, воспоминания о поездках с папой и мамой к бабушке Александре Сергеевне Габаевой на Кирочную улицу. Ощущение, что папа несет меня на руках, и это очень удобно. Ездили, видимо, вечером. Улицы темные, с фонарями. В эти поездки в мешочек почему-то брали и мой горшок, видимо, мне два-три года, раз на руках и с горшком. Бабушка жила на Кирочной, в большой коммунальной квартире с длинным полу темным коридором и входом с черной лестницы, через кухню. Очень большая комната поражала своей теснотой и, теперь бы я сказала, захламленностью. Таких комнат я и потом повидала немало, были следствием того, что бывшим "господам" приходилось вмещать в одну из комнат обстановку всей принадлежавшей им ранее до "уплотнения" квартиры. У правой стены стояла кровать, на которой полулежала уже не встававшая с постели моя прабабушка Ольга Петровна (мать папиной мамы – Александры Сергеевны) у противоположной стены находился обширный диван, небрежно застеленный какой то темной покрывалкой. Между ними – громоздкий обеденный стол, наполовину заставленный посудой. Пространство вдоль огромных запыленных окон непроходимо из-за нагромождений там каких-то сундуков, корзин, стульев и прочих вещей. Остальные стены заставлены шкафами, большим дубовым буфетом. Все темное, мрачноватое, запущенное. Вдоль дивана и кровати, вокруг стола узенькие проходы. Саму бабушку и тетю Люлю тех времен представляю плохо. Помню еще посещение Кирочной, когда родилась двоюродная сестра Надюша – дочка тети Люли. Маленькая комнатка (бывшая прислуги) возле кухни, в ней колыбелька вся в кружевах и розовых бантиках, ощущение света и радости. Это 1935 год – значит мне 5 лет.

Бабушку Александру Сергеевну я лучше всего запомнила по ее посещениям, когда нас с Иной с началом войны готовили к отъезду в эвакуацию с интернатом Художественного фонда. Спешили. Срочно что то шили, чинили. Бабушка приезжала помогать с шитьем. Очень молчаливая, не улыбкающая, сей час я бы сказала – удрученная, совсем седая. Было ей столько лет сколь ко мне сей час. Одетая бывала по старушечьи неинтересно, во все темное. Она курила. В то время для женщины это

было довольно редко, во всяком случае в нашей среде. Только теперь, прочтя дедушкины воспоминания, я понимаю, как печально сложилась ее жизнь в связи с его бесконечными романами, мытарствами по ссылкам, неустроенностью судьбы тети Люли и, думаю, значительными материальными трудностями. Незнакомство мое с бабушкой – одна из многих потерь, принесенных войной. Зато с какой радостью и благодарностью я обнаружила в дедушкиных записках несколько страниц, посвященных бабушке, полных самых добрых слов.

Еще одной из радостей, связанных с папой, были ближе к весне, редкие поездки с ним в Петергоф, где он работал в сельскохозяйственном институте доцентом по кафедре селекции и семеноводства. Встать надо было рано, затемно, когда так хотелось спать, но все перекрывалось радостью предстоящего путешествия. В институте помню учебную комнату со студенческими столами, большой доской, с застекленными шкапами и витринами с цветными восковыми муляжами овощей и фруктов.

Два или три лета перед войной мы жили в Петергофе; от института сотрудникам давали комнаты на лето в старых придворцовых постройках. Там же жила и Брунины; Зойка маленькая, хорошенькая, всегда надутая, капризная с волосами-завитками. Ее отец – Алексей Балашов, папин товарищ, работал в том же институте.

Летом мы с Иной ходили к папе на опытный участок кафедры: несколько стеклянных теплиц с душным, влажным воздухом, где выращивались гибриды огурцов, были еще какие то посадки вне теплиц, в стороне стоял домик сторожа – добрейшего Василия Ивановича детьми которого мы играли. Рядом с участком в парке стояли открытые для посещения царские вагоны – два или три. Меня поразило, что вагоны были обставлены как комнаты. За помнился большой портрет мальчика-наследника на стене вагона и щемящее чувство ужаса и жалости к нему, из чего я заключаю, что уже тогда знала о его судьбе.

Как то после войны мы с Иной побывали в Петергофе, где был институт (поселок Знаменка). И дворец, и постройки, и парк – все было узнаваемо, но еще более запущено, чем в довоенное время. Теперь там располагался какой-то дом отдыха. Сидели на скамейках, бродили по парку пожилые, больные люди а тогда все было заполнено веселой студенческой молодежью. Поразило меня, что все расстояния между корпусами института, карэ, магазином, участком – оказались очень небольшими в сравнении с детскими впечатлениями.

Лет шести я попала в больницу со скарлатиной. Очень тосковала по дому. Каждый день из дома получала конверт с плотным листком, раза в полтора большим, чем почтовая открытка. На одной стороне такого листка изо дня в день мелким четким почерком папа писал мне придуманную им сказку с бесконечным продолжением (увы, сюжета не помню), на другой стороне листка были мамины рисуночки, иллюстрирующие происходящие в сказке события. Это утешало, было как бы стержнем дня. Вокруг меня крутились молоденькие, очень доброжелательные, веселые сестрички, видимо студентки-практикантки. Их тоже занимало продолжавшееся изо дня в день повествование. К сожалению, из-за карантинных условий пришлось оставить эти листочки в больнице. Накануне моего выхода из больницы, которого я с таким нетерпением ждала, мы разговаривали с папой через какую-то стеклянную перегородку в коридоре. Папа был весел, шутил и вдруг сказал, что может быть они не возьмут меня из больницы, еще надо подумать. Я не поняла шутки, кажется заревела. Вероятно, это была первая глубокая обида в моей жизни. Думаю, что бедной тете Люле доставалось от братьев в таком роде не мало, о чем она и вспоминала.

Когда случалось мне что-нибудь набедокурить – это бывали шалости или упрямство, грубость или стычки с Иной – самое страшное было, если мама обещала рассказать вечером папе о моем проступке: "...папа с тобой поговорит..." Ожидание этого разговора было мучительным. Иногда я старательно молилась перед висевшим в нашей комнате образом Иисуса Христа, о том, чтобы папа ничего не узнал. (Этот образ и сейчас висит в моей комнате, им бабушка Александра Сергеевна благословила брак родителей). Папа не ругал меня, он разговаривал со мной очень серьезно, объясняя, чем мой поступок нехорош, но так, что мне становилось стыдно перед ним и этот осадок стыда и самоосуждения долго сохранялся. Некоторые мои поступки в моей взрослой жизни, за которые мне бывало стыдно, ощущались мной с чувством стыда перед памятью папы.

Почему-то детские праздники, а они бывали: дни рождения, елки – мне не запомнились. Зато, видимо, как запретное запечатлелись Новогодние праздники взрослых, когда приходило много гостей, а нас отправляли спать. в эти дни я спала с Иной в ее комнате, дверь из которой в столовую плотно закрывалась. Из нашей же комнаты часть вещей выносили в коридор, чтобы освободить место для танцев. (Ведь папе в это время было 38, а маме 41 год). В комнате становилось непривычно просторно.

Очень занимал нас с сестрой большой стол в столовой, накрытый праздничной скатертью, нарядно сервированный, уставленный закусками, винами. Старались потихоньку с него что-нибудь отведать, особенно привлекали нас мелкие маринованные огурчики – корнишоны. Нас рано выставляли спать, но бывало мы не засыпали и подслушивали царящее за дверью веселье через замочную скважину.

Только один раз, последний Новый год перед войной нам разрешили быть со взрослыми. Для детей был накрыт отдельный небольшой стол. Пришли трое детей Стэр, кажется, Таня с Алешей. В такие праздничные дни папа бывал совсем другим, теперь я бы сказала – молодец. Он становился веселым, подшучивал над дамами, смеялся. Считалось, что танцевал он плохо и в танце ему случалось отдавливать партнерше ноги. Кажется в этот последний перед войной Новый год были у нас из папиных друзей – Кюзы, Балашевы, Марихон, из маминых – Милорадовичи, Стэры. Эта новогодняя ночь запомнилась мне как очень веселая.

И вот война... Я узнала о ней на даче в Петергофе, стоя у ларька в очереди за молоком. Осталось впечатление какого то общего смятения вокруг. Уже в первых числах июля, значит, примерно, через две недели после начала войны нас с Иной отправили в эвакуацию в Ярославскую область с интернатом детей художников. Перед отправкой на вокзал уезжающих собрали на какой то небольшой площади (а перед этим, как вспоминает Таня, в помещении Союза художников). Далее, уже без родителей, рассадили по автобусам, чтобы везти на вокзал. Запомнились папа и дедушка махавшие нам, маму почему то в этот момент не помню. Папу и дедушку я уже больше никогда не увидела.

Потом были регулярные папины письма и открытки из Ленинграда. Только две из этих открыток сохранились. Я очень скучала по дому, писала, что пеш ком уйду домой в Ленинград. Письма папы были спокойные, призывавшие к терпению, невеселые, город входил в блокаду. Тетя Люля рассказывала – папа рано понял, что не переживет блокады. Последнее папино письмо-прощание было о том, какой бы он хотел видеть меня в будущем, оно касалось нравственных устоев, было теплым, доверительным. Я понимала его важность, берегла. Не могу себе простить, что не берегла. При переезде во время войны из Омской области из интерната в Ташкент, к маме в Новосибирске при пересадке ночью на вокзале у меня украли рюкзак, где было это письмо.

Осенью к нам в Ярославскую обл. приехали мама и Людмила Ивановна – мама Тани и Алеши. Они стали работать в интернате воспитателями. В начале зимы в связи с наступлением немцев наш интернат переправили в Сибирь в Омскую обл.

В один из ярких январских дней мне почувствовалось, что папы не стало. Трудно сейчас, через 55 лет определить это чувство, одно могу сказать, что, видимо оно было очень отчетливым, если память сохранила его столько лет. Скорее всего это было ощущение, что теперь я сама за себя в ответе, чувство какой-то внезапно возникшей самостоятельности что ли. О папиной смерти сказала мне мама. Кажется, не сразу. Я плакала, лежа на кровати вниз лицом. Мама сидела рядом, гладила меня по голове, что-то говорила.

Папа скончался 6 января 1942 года в бомбоубежище Эрмитажа. В Эрмитаже работал дедушка Георгий Федорович Коэнте – мамин отец. С наступлением зимы оба они жили там в бомбоубежище.

Уже после войны от папиной сестры – тети Люли я узнала, что в декабре 41-го года папе от института предоставляли возможность эвакуироваться из блокадного города, но место было одно. Он отказался. Не захотел оставить своих близких – мать, сестру, тестя.

Я рассталась с папой, когда мне было 10 лет и все рассказанное – это мои воспоминания и впечатления о нем. Позже они соединились с тем, что говорили о нем мама, дедушка Габаев, тетя Люля, знакомые. Уже у взрослой у меня составилось представление о папе, как о человеке долга и высокой добросовестности, преданного своим близким. Папе было 25 лет, когда после ареста отца и смерти старшего брата Виктора на него легли заботы о материальной поддержке отца, матери и сестры. Это отягчалось типичными для того времени придирками к нему, как к сыну репрессированного. К примеру, я нашла в его бумагах копии служебной переписки и ряд справок, связанных с попыткой увольнения его с работы по той причине, что он якобы скрыл факт репрессий отца и свое дворянское происхождение. Обвинение это было ложным, что подтверждалось документально. На службе его тогда восстановили. Однако, трудности с устройством на работу возникали периодически. Одно время он зарабатывал раскраской каких то огромных географических карт. В конце концов папе пришлось уехать из Ленинграда на опытную растениеводческую станцию в Туркмению. Года полтора или два мы прожили в окрестностях Ашхабада.

Сослуживцы папы, кого я знала по довоенным годам, вспоминали о нем с теплом, уважением и горечью по поводу его гибели. Владислав Павлович Матвеев – до войны

папин аспирант – впоследствии профессор Воронежского Университета, сорок пять лет хранил два папиных письма из блокадного Ленинграда. Разыскав меня по Университету, он переслал мне эти письма.

Память о папе свела меня с Лениной Мухамеджановной Юлдашевой, сотрудницей Всесоюзного института растениеводства им. Н.И. Вавилова. Она работала в той же области науки, которой занимался и он – генетикой и селекцией огурцов. Ленина Мухамеджановна – автор статьи о папе в юбилейном сборнике "Соратники Вавилова" 1994 г. По окончании сельскохозяйственного института папа некоторое время работал под руководством Николая Ивановича. Научные исследования папы были построены в соответствии с широкой программой Н.И. Вавилова, разрабатываемой большим коллективом его института. У меня хранятся благожелательная характеристика и отзыв Николая Ивановича о папиных работах в связи с представлением его к званию кандидата наук. Ученая степень была присуждена папе без защиты диссертации в 1940 году.

От Ленины Мухамеджановны я узнала, что результаты папиных работ по систематике огурцов и небольшая монография на эту тему, вышедшая незадолго до войны с предисловием К.И. Пангало – одного из ближайших сподвижников Н.И. Вавилова и сейчас предоставляет интерес и исполняется в науке. Она же передала мне слова бывшего заведующего кафедрой сельскохозяйственного института, на которой работал папа, Иоилия Александровича Веселовского о том, что Сергей Георгиевич Габаев был самым достойным и порядочным человеком из тех, кого он знал.

Ленина Мухамеджановна знакома с папой только по его работам и по воспоминаниям его Вировских друзей и коллег. Однако, то тепло, с которым она относится к его памяти, создает у меня впечатление, как будто она сама знала папу. Для меня ее отношение к папе – это как бы "концентрат" сохранившейся памяти о нем.

Из действительно знавших и помнящих папу у меня теперь осталась только Ина.